

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по литературе
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
2019-2020 учебный год
9-11 класс

ЗАДАНИЯ

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предлагается 2 задания. Переписывать их не нужно, достаточно внимательно прочесть формулировку каждого вопроса и чётко написать ответ.

Не торопитесь, не волнуйтесь, сообразуйтесь со временем. У вас **5 часов**. Время работы над каждым заданием вы можете распределить самостоятельно, однако мы рекомендуем отвести на первое задание не более 3,5 часов, а оставшиеся 1,5 часа потратить на выполнение второго задания.

1. Аналитическое задание

Выполните целостный анализ предложенного произведения (эпического или лирического на ваш выбор). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1. Выполните целостный анализ стихотворения В.Я. Брюсова «Кинжал». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): система мотивов и образов, композиция, лирический сюжет, роль названия и эпиграфа, смысл творческого диалога с предшественниками.

В.Я. Брюсов

КИНЖАЛ

Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...
М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми,— затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

Вариант 2. Выполните целостный анализ рассказа В.В. Вересаева «Мать». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): проблематика рассказа, специфика использования изобразительно-выразительных средств, образ рассказчика, речевая организация текста.

Викентий Вересаев

МАТЬ

Из записной книжки

Сегодня утром я шел по улицам Старого Дрездена. На душе было неприятно и неловко: шел я смотреть ее, прославленную Сикстинскую мадонну. Ею все восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тем бесчисленные снимки с картины, которые мне приходилось видеть, оставляли меня в совершенном недоумении, чем тут можно восхищаться. Мне нравились только два ангелочка внизу. И вот, — я знал, — я буду почтительно стоять перед картиною, и всматриваться без конца, и стараться натащить на себя соответственное настроение. А задорный бесенок будет подсмеиваться в душе и говорить: «Ничего я не стыжусь, — не нравится, да и баста!..»

Я вошел в Цвингер. Большие залы, сверху донизу увешанные картинами. Глаза разбегаются, не знаешь, на что смотреть, и ищешь в путеводителе спасительных звездочек, отмечающих «достоинное». Вот

небольшая дверь в угловую северную комнату. Перед глазами мелькнули знакомые контуры, яркие краски одежд... Она! С неприятным, почти враждебным чувством я вошел в комнату.

Одиноко в большой, идущей от пола золотой раме, похожей на иконостас, высилась у стены картина. Слева, из окна, полузанавешанного малинового порттьерою, падал свет. На диванчике и у стены сидели и стояли люди, тупо-почтительно глаза на картину. «Товарищи по несчастью!» – подумал я, смеясь в душе. Но сейчас же поспешил задушить в себе смех и с серьезным, созерцающим видом остановился у стены.

И вдруг – незаметно, нечувствительно – все вокруг как будто стало исчезать. Исчезли люди и стены. Исчез вычурный иконостас. Все больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картине, старик Сикст и кокетливая Варвара. И среди этого тумана резко выделялись два лица – Младенца и Матери. И перед их жизнью все окружающее было бледным и мертвым... Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно черными глазами пристально смотрел поверх голов вдаль. Эти глаза видели вдали все: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя-друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распни его!» Да, он видел этим проникающим взглядом, как будет стоять под терновым венцом, исполосованный плетью, с лицом, исковерканным обидою, животною мукою, как там, через несколько зал, на маленькой картине Гвидо Рени...

И рядом с ним – она, серьезная и задумчивая, с круглым девическим лицом, со лбом, отуманенным дымкою предчувствия. Я смотрел, смотрел, и мне казалось: она живая, и дымка то надвигается, то сходит с ее молодого, милого лица... А в уме бессмысленно повторялось начало прочитанной внизу подписи...

«Fecce Raffaello a'monaci neri...» ¹[1]

Из мертвого тумана женский голос спрашивал по-немецки:

– Что это там внизу, яйцо?

Мужской голос отвечал:

– Это папская тиара.

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый девический лоб. И такая вся она была полная жизни, полная любви к жизни и к земле... И все-таки она не прижимала сына к себе, не старалась защитить от будущего. Она, напротив, грудью поворачивала его навстречу будущему. И серьезное, сосредоточенное лицо ее говорило: «Настали тяжелые времена, и не видеть нам радости. Но нужно великое дело, и благо ему, что он это дело берет на себя!» И лицо ее светилось благоговением к его подвигу и величавою

---

¹ «Сделано Рафаэлем для черных монахов» (итал.).

гордостью. А когда свершится подвиг... когда он свершится, ее сердце разорвется от материнской муки и изойдет кровью. И она знала: это...

Вечером я сидел на Брюлевской террасе. На душе было так, как будто в жизни случилось что-то очень важное и особенное. В воздухе веяло апрельскою прохладой, по ту сторону Эльбы береговой откос зеленел весеннею травкою. Запад был затянут оранжевою дымкою, город окутывался голубоватым туманом. По мосту через Эльбу, высоко, как будто по воздуху, пронесся поезд, выделяясь черным силуэтом на оранжевом фоне зари.

Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту такое материнство. И пускай в мертвом тумане слышатся только робкие всхлипывания и слова упрека, – есть Она, есть там, в этом фантастическом четырехугольнике Цвингера. И пока она есть, жить на свете весело и почетно. И мне, неверующему, хотелось молиться ей.

Темнело. Я шел через площадь. На небе рисовались два черные, как будто закоптелые шпица церкви св. Софии. Вот он и молчаливый Цвингер. Окна темны, внутри тишина и безлюдье. И мне стало странно: неужели и в той комнате может быть темно, неужели ее лицо не светится?

1903

Максимальное количество баллов – 70.

2. Творческое задание

Вспомните произведения русской и зарубежной литературы, в которых читатель «слышит» музыку (звуки музыкальных инструментов, пение). Какие возможности дает писателю использование образа музыки в своих произведениях? Какие функции выполняет этот образ? Какие качества он раскрывает в персонажах, исполняющих музыку или способных (не способных) к тонкому ее восприятию?

Напишите статью для школьной литературоведческой энциклопедии «Музыка в литературном произведении».

Максимальное количество баллов – 30.

Итого за оба задания: максимально – 100 баллов.